

Вера

Император Николай II
и императрица Александра Федоровна

Великая княжна Ольга

Великая княжна Татьяна

Великая княжна Мария

Великая княжна Анастасия

Цесаревич Алексей

Евгений Боткин

Алексей Трупп

Иван Харитонов

Анна Демидова

Что мы знаем о тех, кто был
расстрелян вместе с Николаем II
и Александрой Федоровной

Они были рядом

100 лет назад, в ночь с 16 на 17 июля, в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома, расстрелян последний российский император Николай II. Вместе с ним расстреляны еще десять человек — члены семьи, слуги и приближенные. «Фома» много писал о последнем императоре и его супруге. Эту публикацию мы решили посвятить остальным убитым той страшной ночью.

Евгений Боткин

Сердце доктора

«**К**огда вы входите в палату, вас встречает радостное и приветливое настроение — драгоценное и сильное лекарство, которым вы нередко гораздо больше помогаете, чем микстурами и порошками... Только сердце для этого нужно, только искреннее сердечное участие к больному человеку. Так не скупитесь же, приучайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно.

Так пойдем с любовью к больному человеку, чтобы вместе учиться, как ему быть полезным». Это слова из лекции, которую доктор Боткин читал в Императорской военно-медицинской академии. Он учил студентов «неизмеримо сердечному отношению» к своим пациентам. И сам пронес это учение по жизни — до самой мученической кончины.

В роду Боткиных было много творческих личностей — врачей, художников, писателей. Сам Евгений Боткин, получив серьезное музыкальное образование, все же пошел по стопам своего отца, знаменитого лейб-медика Сергея Боткина. Он окончил Императорскую военно-медицинскую академию и начал свой профессиональный путь в больнице для бедных. Потом уехал в Германию, где стажировался у ведущих врачей, а потом вернулся в свою больницу.

На Русско-японскую войну он ушел добровольцем и стал заведующим медицинской частью Российского общества Красного Креста. Но, несмотря на высокую должность, большую часть времени проводил на фрон-

те. Известен даже случай, когда в одном из полевых лазаретов Боткин оказал помощь раненому ротному фельдшеру, взял его медицинскую сумку и вместо него отправился на передовую.

«Я удручаюсь все более и более ходом нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие расчеты становятся выше понятий об Отчизне, выше Бога», — писал Боткин.

После окончания войны он выпустил книгу «Свет и тени Русско-японской войны». Книгу прочла императрица Александра Федоровна и на вопрос, кого бы она хотела видеть на должности придворного врача, ответила: «Боткина. Того, который воевал». И осенью 1908 года семья доктора Боткина переехала в Царское Село, а сам Евгений Сергеевич был назначен почетным лейб-медиком императорской семьи.

Особого его внимания требовала тяжелая болезнь цесаревича Алексея.

Бывало, дни и ночи он проводил у постели мальчика — лечил, подбадривал, беседовал с ним. Алеша очень полюбил своего доктора и писал ему в письмах: «Я вас люблю всем своим маленьким сердцем».

В 1910 году от Боткина ушла жена, и с тех пор он целиком посвятил себя царской семье, к которой привязался всей душой. Когда в 1917 году дети государя один за другим заболели корью, доктор вместе с Александрой Федоровной сутками не отходил от их постелей. А потом проявил еще один свой талант: стал заниматься с цесаревичем русской литературой и сумел очаровать Алешу лирикой Лермонтова. Обоим эти занятия доставляли невероятное удовольствие.

Когда для императорской семьи наступило время испытаний, доктор Боткин решил разделить с ней ее участь. Вместе с ней он отправился в ссылку — сначала в Тобольск, а затем и в Екатеринбург.

В Тобольске Боткин жил отдельно от остальных, не на правах узника: квартира, в которой поселили его с детьми, никогда не подвергалась досмотру. Сам он мог свободно передвигаться по городу, и любой желающий мог записаться к нему на прием.

«Крестьянские пациенты, — вспоминал он, — постоянно пытались платить, но я, разумеется, никогда ничего с них не брал. Тогда они, пока я был занят в избе с больным, спешили платить моему извозчику. Это удивительное внимание, к которому мы

в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместным, так как в иные периоды я не в состоянии был навещать больных вследствие отсутствия денег и быстро возрастающей дороговизны извозчиков. Поэтому в наших обоюдных интересах я широко пользовался другим местным обычаем и просил тех, у кого есть, пусть присылают за мной лошадь. Таким образом, улицы Тобольска видели меня едущим и в широких архиерейских санях, и на прекрасных купеческих рысаках, но еще чаще потонувшим в сене на самых обыкновенных розвальнях».

Об отъезде отца из Тобольска в Екатеринбург вспоминает его дочь Татьяна:

«Был теплый весенний день, и я смотрела, как он осторожно на каблуках переходил грязную улицу в своем штатском пальто и в фетровой шляпе. Мой отец носил форму: генеральское пальто и погоны с вензелями государя и в Тобольске всё время, даже с приходом большевиков, когда ходили уже вообще без погон, пока, наконец, отрядный комитет не заявил, что они, собственно говоря, ничего против не имеют, но красногвардейцы несколько раз спрашивали, что тут за генерал ходит, поэтому, во избежание недоразумений, попросили моего отца снять погоны. На это он им ответил, что погон не снимет, но если это событие действительно грозит какими-нибудь неприятностями, просто переоденется в штатское».

В доме Ипатьева Боткин делал все, чтобы облегчить участь императорской семьи. Он добровольно взял на себя роль ходатая по всем, даже незначительным вопросам, став посредником между узниками и комендан-

том «дома особого назначения», будущим непосредственным руководителем расстрела царской семьи Яковом Юровским: просил вывести семью на прогулку, позвать священника, «часики подчинить»...

Сам Юровский потом вспоминал: «Доктор Боткин был верный друг семьи. Во всех случаях по тем или иным нуждам семьи он выступал ходатаем. Он был душой и телом предан семье и переживал вместе с семьей Романовых тяжесть их жизни».

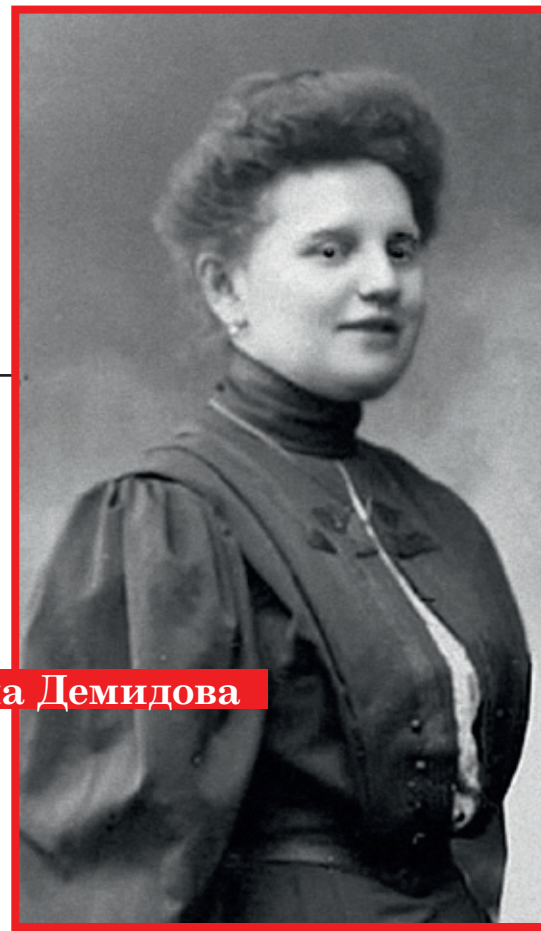
Последний в своей жизни день рождения доктор встретил в доме Ипатьева: 27 мая ему исполнилось 53 года. Вскоре он написал из заточения своему младшему брату: «Бог помог мне оказаться полезным... Обращались ко мне всё больше хронические больные, уже лечившиеся и перелечившиеся, иногда, конечно, и совсем безнадежные. Это давало мне возможность вести им запись, и время мое было расписано за неделю и за две вперед по часам, так как больше шести-семи, в экстренных случаях, восьми больных в день я не в состоянии был навещать: все ведь это были случаи, в которых нужно было очень подробно разобраться и над которыми приходилось очень и очень подумать. К кому только меня не звали, кроме больных по моей специальности?! К сумасшедшим, просили лечить от запоя, возили в тюрьму пользоваться клептомана... Я никому не отказывал, если только просившие не хотели принять в соображение, что та или другая болезнь совершенно выходит за пределы моих знаний. Я отказывался только идти к только что заболевшим, если, разумеется, не требовалось немедленная помощь...»

В ночь расстрела охрана разбудила Боткина и велела поднять обитателей Ипатьевского дома. Сказали, что их собираются перевести в другое место, потому что в городе неспокойно. Все узники спустились в подвал. Когда Юровский объявил о расстреле, доктор, по свидетельствам некоторых очевидцев, успел глухим голосом спросить: «Так нас куда не повезут?»

В 2000 году Русская православная церковь канонизировала императора и его семью. А спустя 16 лет был канонизирован и доктор Евгений Боткин. Церковь вспоминает и его как праведного страстотерпца.

Горничная, удостоенная дворянства

Анну Демидову выбрала себе в горничные сама императрица. Когда девушка училась в Санкт-Петербурге, плоды ее рукоделия занимали первые места на ученических художественных выставках. На одной из них талант девушки оценила и Александра Федоровна. Ко всему прочему, Анна прекрасно играла на фортепиано, знала несколько иностранных языков и была хорошо эрудированна. Императрица пред-

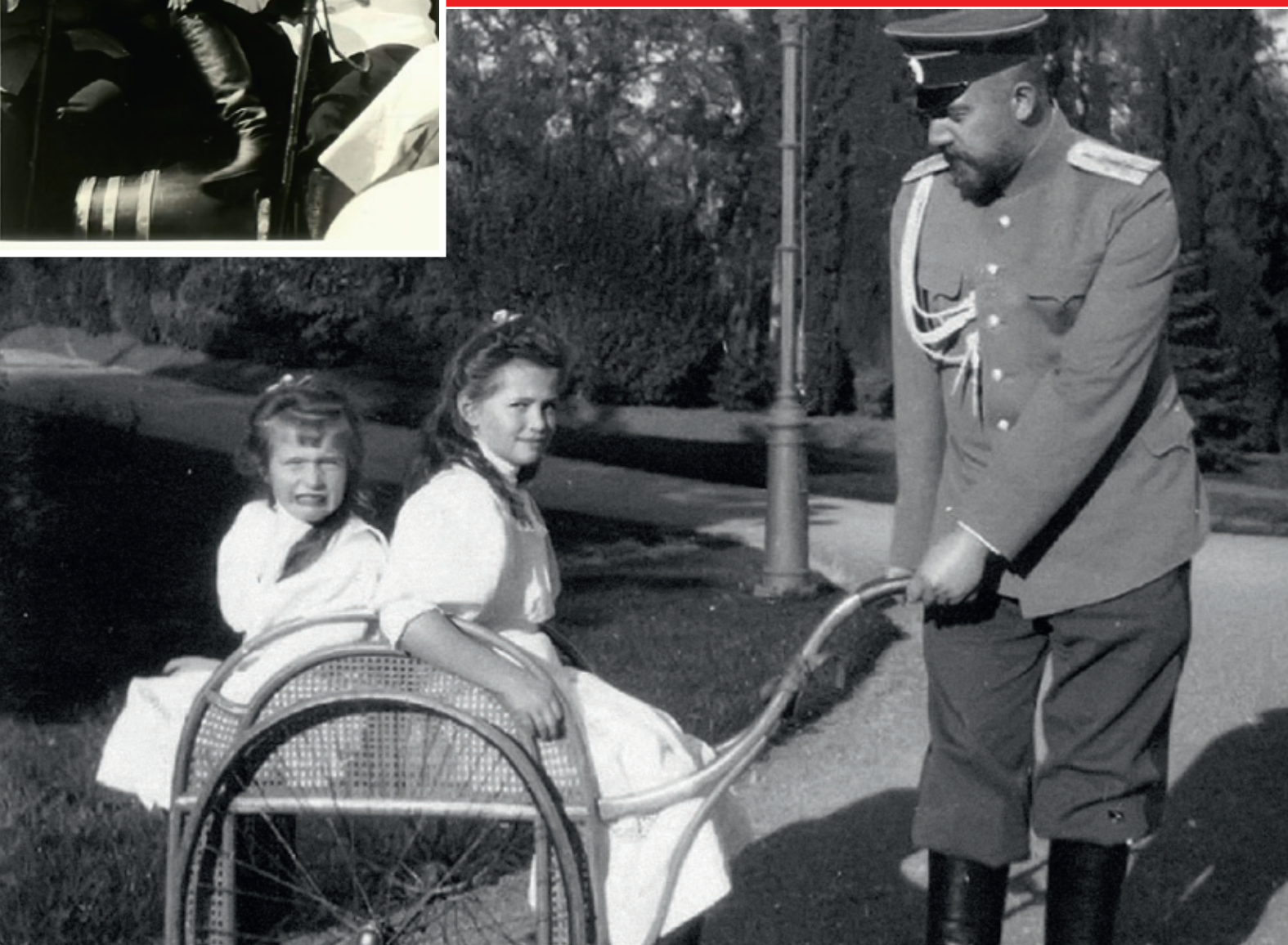
Анна Демидова

◀ Евгений Боткин и император Николай II

▲ Александра Федоровна, Ольга, Татьяна и Евгений Боткин в Царскосельском лазарете. 1916

▼ Евгений Боткин с великими княжнами Анастасией и Марией

ложила ей место камер-юнгферы — комнатной девушки. И Нюта, как ласково называли ее в царской семье, служила Романовым до самого конца.

В обязанности комнатной девушки входил уход за гардеробом императрицы, а это несколько десятков дубовых и ясеневых шкафов с нарядами и аксессуарами. В распоряжении Анны были даже электроутюги — одно из технических чудес того времени. Но главной ее задачей было обучение царских дочерей вышиванию, вязанию и прочему рукоделию.

Своей семьи Анна иметь не могла — комнатные девушки, по правилам, должны были оставаться незамужними. Ее заменила императорская семья. Нюта была очень привязана ко всем царским детям, но особые, материнские чувства испытывала к младшей, княжне Анастасии, — и та отвечала ей взаимностью. Сохранилась даже открытка с изображением Божией Матери, которую Анастасия отправила ей из Парижа в 1906 году: «Дорогая Нюта! Поздравляю тебя с праздниками и желаю провести их по возможности с веселием. Хотя пишу немного поздно, но лучше поздно, чем никогда».

За долголетнюю беспорочную службу Анне Демидовой было пожаловано потомственное дворянство.

В 1917 году она в числе других верных слуг отправилась с царской семьей в Тобольск.

«Демидова была лет 42, высокая, полная, блондинка, лицо красноватое, нос прямой и небольшой, глаза голубые...»

Из показаний Е. С. Кобылинского, главы охраны царской семьи в Тобольске

В это время камер-юнгфера начинает вести дневник:

«Четверг, 3-го августа. Хорошо спала в первый раз после долгого времени. Последние две недели, когда узнала, что нас намереваются “куда-то” отправить, жила нервно, мало спала, волновалась неизвестностью, куда нас отправят. Это было тяжелое время. Только уже дорогой мы узнали, что мы “на дальний север держим путь”, и как подумаешь только — “Тобольск”, сжимается сердце. Сегодня на одной из остановок (конечно, мы не выходили) кто-то на станции спросил нашего вагонного проводника: “Кто едет?” Проводник серьезно ответил: “Американская миссия”, так как на поезде надпись — “Американская миссия Красного Креста”. “А отчего же никто не показывается и не выходит из вагонов?” “А потому что все очень больны и еле живы”».

Анне горько было видеть, что ждало их на месте ссылки. «О, ужас! Дом почти пустой, без стульев, столов, умывальников, без кровати и т. д. Зимние рамы не выставлены с лета и грязны, всюду мусор, стены грязны.

Словом, дом совсем не был подготовлен. Теперь идет чистка... Ситцу спросили, — говорят, нигде нет. Даже чернил нельзя достать».

«Мы с самого начала предлагали им покинуть Романовых. Часть ушла, а те, кто остался, заявили, что желают разделить участь монарха. Пусть и разделяют...»

Я. Юровский, комендант Ипатьевского дома, руководивший расстрелом царской семьи

В Екатеринбурге Нюта помогала государыне отправлять письма ее постоянным корреспондентам и обучала княжон рукоделию, которое сводилось к штопке и починке постельного белья.

В роковую ночь Анну Степановну разбудил доктор Боткин и сказал ей об угрозе нападения на дом. Она в свою очередь разбудила княжон, а те — Александру и Николая. Несмотря на предупреждение Юровского не брать с собой никаких вещей, узники все же прихватили разные мелочи — на случай возможной дороги. Анна Демидова несла две большие подушки. Одну она подложила под спину больного цесаревича, которого усадили на стул. А вторая подушка осталась у нее в руках.

Воспоминания участника расстрела М. А. Медведева: «Редет пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям ВЧК и Красной армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский, радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, поднимается уцелевшая горничная: она прикрывалась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную».

Другой участник убийства, А. Г. Кабанов, описывает гибель Анны Степановны с еще более тяжелыми подробностями: «Фрейлина лежала на полу еще живая. Когда я вбежал в помещение казни, я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу, а живых докончили штыками. <...> Один из товарищей в грудь фрейлины стал вонзать штык американской винтовки “Винчестер”, штык вроде кинжала, но тупой и грудь не пронзил, а фрейлина ухватилась обеими руками за штык и стала кричать...»

По другим свидетельствам, Анна Демидова «все бегала и защищалась подушками», «металась вдоль левой стены» — именно поэтому следы пуль видны в разных местах этой стены и даже в косяке входной двери. По материалам следственного производства, на теле Анны оказалось 32 раны.

Великая княжна Ольга

Волевая натура и хрустальная душа

«В 1915 году в день именин великой княжны Ольги 14 ноября государыня писала Николаю II: «Да ниспошлются нашим детям милости Бога, — я с мучительным страхом думаю об их будущем, — оно так неизвестно. Жизнь — загадка, будущее скрыто завесой, и когда я смотрю на нашу большую Ольгу, мое сердце полно волнения, и я спрашиваю, какая судьба ей готовится, что ее ожидает?»

Старшую дочь Романовых ожидало совсем не то будущее, которое прочили ей близкие: по мнению многих, Николай II именно ее готовил в престолонаследницы. Но Ольга разделила участь своей семьи. По свидетельствам очевидцев, в отличие от остальных сестер, она умерла сразу...

В день рождения «Богом посланной дочки», 3 ноября 1895 года Николай II оставил в своем дневнике такую запись: «Вечно памятный для меня день, в течение которого я много выстрадал!» Именно с Ольгой у государя была особенно тесная связь. Когда великой княжне исполнилось восемь лет, она все чаще начала появляться с императором на людях. Со временем она стала для него собеседником, с которым он любил подолгу разговаривать.

А когда Николаю II приходила важная телеграмма, он нередко вызывал в кабинет старшую дочь и обсуждал с ней текущие дела.

Волевая натура и хрустальная душа — вот черты, которые, по мнению учителей и знакомых, сочетались в характере Ольги. У великой княжны были способности к искусствам: она играла на рояле, пела, хорошо рисовала. Она не любила роскоши. «Одевалась очень скромно и в этом отношении постоянно одергивала других сестер», — вспоминали потом о ней.

С самого детства Ольге легко давалась учеба. «Учение было для нее шуткой, почему она иногда ленилась», — писала о ней подруга императрицы Анна Вырубова. Учитель французского языка Пьер Жильяр считал ее своей лучшей ученицей: «Старшая, Ольга Николаевна, обладала очень живым умом. У нее было много рассудительности и в то же время непосредственности. Она была очень самостоятельного характера и обладала быстрой и забавной находчивостью в ответах... Я вспоминаю между прочим, как на одном из наших первых уроков грамматики, когда я объяснял ей спряжения и употребление вспомогательных глаголов, она прервала меня вдруг восклицанием: «Ах, я поняла, вспомогательные глаголы — это прилуга глаголов; только один несчастный глагол 'иметь' должен сам себе прислуживать!»... Вначале мне было не так легко с нею, но после первых стычек между нами установились самые искренние и сердечные отношения».

Ольга увлекалась историей. Любимой ее героиней была Екатерина Великая: имея неограни-

«Временами, когда она улыбалась, можно было почувствовать, что улыбка была лишь на поверхности и что в глубине души она не улыбалась, а печалилась».

Клавдия Михайловна
Битнер

ченный доступ к огромной отцовской библиотеке, княжна обожала читать ее мемуары. Когда после совершеннолетия Ольги родители стали задумываться о ее замужестве, Ольга и слышать не хотела о перспективе выйти замуж за иностранного принца и уехать за границу. «Я русская и хочу остаться русской!» — категорично заявляла она. Мечтой ее было «выйти замуж, жить всегда в сельской местности зимой и летом, всегда общаться с хорошими людьми, и никаких официальных обязанностей». «Русская девушка с большой душой», — говорили о старшей дочери императора.

Первая мировая война перевернула жизнь великой княжны Ольги. Вместе с матерью и сестрой Татьяной она стала сестрой мило-

сердия. С тех пор рабочий день 19-летней Ольги и 17-летней Татьяны начинался в 9 часов утра. «Татьяна с Ольгой уже улетели в лазарет», — писала Александра Федоровна.

Постоянно видеть на операционном столе солдат с ранами различной тяжести хрупким девушкам было непросто. Анна Вырубова, которая также была сестрой милосердия, писала о раненых так: «На них была не одежда, а окровавленные тряпки. Они были с ног до головы покрыты грязью, многие из них уже сами не знали, живы ли они; они кричали от ужасной боли». И две сестры-царевны раздевали их, обмывали изуродованные тела, чистили глазные впадины, а по вечерам сами обрабатывали инструменты.

Живя в Царском Селе, Ольга любила бывать в церкви Знамения Божией Матери на

Великая княжна Татьяна

Сестра милосердия и друг для матери

Во время Первой мировой войны Татьяна сделала почетной председательницей Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Как-то на заседании один из членов комитета обратился к ней: «С позволения Вашего Высочества...» Татьяна удивленно посмотрела на него. А когда он снова сел рядом с ней, слегка толкнула его локтем и прошептала: «Вы что, с ума сошли — так со мной разговаривать?» Татьяна ненавидела подобные церемонии и формальности. Куда больше ей

Кузьминской улице. Уже находясь под арестом, в одном из писем она писала, как порой ей хочется зайти в любимый храм. По просьбе отца Ольга написала из заключения письмо поэту Сергею Бехтееву: «Отец просил передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

Когда в подвале дома Ипатьева Яков Юровский объявил о смертном приговоре, Ольга Николаевна вместе с матерью и доктором Боткиным перекрестилась. По свидетельствам организаторов расстрела, она умерла одной из первых, вместе с отцом и братом.

нравилось быть простой сестрой милосердия и день за днем трудиться в лазарете.

В детстве Татьяне, в отличие от Ольги, не так просто давалась учеба, зато в рукоделии она превосходила старшую сестру. Она своими руками шила блузы себе и сестрам, вышила, вязала. Современники отмечали, что из всех детей именно Татьяна больше других внешне и внутренне похожа на Александру Федоровну. И если Ольга была любимой собеседницей отца, то Татьяна стала такой собеседницей для матери.

«У нее были красивые, правильные черты лица, Она была похожа на своих царственных красавиц родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец».

Баронесса С. К. Буксгевден

«Если только императрица делала разницу между дочерьми, — писал учитель Пьер Жильяр, — то ее любимицей была Татьяна Николаевна. Не то чтобы ее сестры любили мать меньше ее, но Татьяна Николаевна умела окружать ее постоянной заботливостью и никогда не позволяла себе показать, что она не в духе».

Но и Николай II горячо любил вторую дочь — он тоже видел в ней черты своей супруги. Сестры даже шутили, что если надо обратиться к государю с какой-то просьбой, то «Татьяна должна попросить рарá, чтобы он нам это разрешил». Но в других случаях сестры называли Татьяну «гувернанткой» — за то, что она была сдержанней их, всегда останавливала их и напоминала им наставления матери.

Впрочем, «абсолютно лишенная самолюбия, она всегда была готова отказаться от своих планов, если появлялась возможность погулять с отцом, почитать матери, сделать то, о чем ее просили. Именно Татьяна Николаевна нянчилась с младшими, помогала устраивать дела во дворце, чтобы офици-

альные церемонии согласовывались с личными планами семьи. У нее был практический ум императрицы и детальный подход ко всему», — писала о Татьяне фрейлина императрицы баронесса Буксгевден.

В Первую мировую войну все, кто видел ее в военном госпитале, утверждали: Татьяна — «прирожденная сестра милосердия». В лазарет она ездила ежедневно и после записывала в специальном дневнике имена, звания и названия частей, где служили те люди, которым она помогала в этот день.

Ольга и Татьяна, «большая пара», как их называли в семье, были очень дружны, хотя по характеру были совсем разными. Баронесса Буксгевден как-то описала разницу между ними: по ее словам, Ольга Николаевна «была щедра и немедленно отзывалась на любую просьбу. От нее часто слышали: “Ой, надо помочь бедняжке такому-то или такой-то, я как-то должна это сделать”. Татьяна же была склонна более оказывать помощь практическую, она спрашивала имена нуждающихся, подробности, записывала все и спустя некоторое время оказывала конкретную помощь просителю, чувствуя себя обязанной сделать это».

«Если бы, будучи художницей, я захотела нарисовать портрет сестры милосердия, какой она представляется в моем идеале, мне бы нужно было только написать портрет великой княжны Татьяны Николаевны; мне даже не надо было бы писать его, а только указать на фотографию ее, висевшую всегда над моей постелью, и сказать: “Вот сестра милосердия”», — писала медицинская сестра С. Я. Офросимова.

Для императрицы Татьяна была не только дочерью, но и другом, «самым близким человеком». Именно в переписке с ней в последние

годы Александра Федоровна делилась своими мучительными размышлениями о той клевете, которую распускают против нее. А вот как ласково обращалась к матери в переписке Татьяна: «Моя дорогая мама, мой ангел, сегодня вечером я чувствовала себя такой несчастной, милая мама, оттого, что ты была такой печальной. Я прошу у тебя прощения за то, что как раз сейчас, когда тебе так грустно и одиноко без папы, мы так непослушны. Я даю тебе слово, что буду делать все, чего ты хочешь, и всегда буду слушаться тебя, любимая. 1000 поцелуев от твоей Татьяны» (16 июня 1915 года).

Со временем зрелость характера Татьяны стала все более отчетливо проявляться в отношениях с сестрами и даже с Ольгой. Это было заметно и в мелочах: «Обе младшие и Ольга ворчат на погоду, — рассказывает в письме Александра Федоровна, — всего четыре градуса, они утверждают, будто видно дыхание, поэтому они играют в мяч, чтобы согреться, или играют на рояле, Татьяна спокойно шьет». В ссылке в Тобольске полковник Кобылинский заметил, что в отсутствие родителей все всегда ориентировались на вторую сестру: «Как Татьяна Николаевна». «Она ведала за болезнью Матери, распорядками в доме, заботилась об Алексее Николаевиче и всегда сопровождала государя на его прогулках». А Клавдия Битнер, ставшая в Тобольске учительницей царских детей, считала даже, что если бы семья лишилась Александры Федоровны, то Татьяна стала бы для нее такой же «крышей».

Была в личности Татьяны Николаевны и общая черта с императором: как и отец, она зачастую скрывала свои чувства от других, держала их исключительно при себе. Особенно заметной ее замкнутость стала в последние месяцы заточения. «Было невозможно угадать ее мысли, — вспоминал учитель английского языка Чарльз Сидней Гиббс, — даже если ее мнение было более категоричным, чем у сестер».

После объявления о расстреле Татьяна вместе с двумя младшими сестрами лишилась чувств. Когда пелена дыма после первых выстрелов рассеялась, по свидетельствам исполнителей приказа, Татьяна была среди тех, кого пули лишь ранили. Оставшихся в живых «пристреливали, прикалывали штыками, добивали прикладами».

«Ангел утешения» и душа семьи

Прогуливаясь по парку, она неизменно заводила разговоры с солдатами охраны. Для бесед с ними она всегда находила общие темы: дети, отношения с родными, погода... Она помнила имена их жен и детей и даже у кого сколько земли. «Машка» — так за простоту, добродушие и веселость прозвали великую княжну Марию сестры и брат.

Окружение царской семьи считало Марию самой красивой из сестер. По мнению

◀ Анастасия, Татьяна, Ольга и Мария после перенесенного тифа. 1917

▲ Николай II и Александра Федоровна. 1910-е годы

▼ Ипатьевский дом во время пребывания там Романовых обнесли высоким забором. 1918

Великая княжна Мария

подруги императрицы Юлии фон Ден, третья дочь «была поразительно красива: типично романовские темно-синие глаза, опущенные длинными ресницами, густые темно-каштановые волосы». А одна из фрейлин Александры Федоровны писала о Марии: «Ее смело можно назвать русской красавицей. Высокая, полная, с соболиными бровями, с ярким румянцем на открытом русском лице, она особенно мила русскому сердцу. Смотришь на нее и невольно представляешь ее одетой в русский боярский сарафан; вокруг ее рук чудятся белоснежные кисейные рукава, на высоко вздымающейся груди — самоцветные камни, а над высоким белым челом — кокошник с самокатным жемчугом. Ее глаза освещают все лицо особенным, лучистым блеском; ... длинные ресницы бросают тень на яркий румянец ее нежных щек. Она весела и жива, но еще не проснулась для жизни; в ней, верно, таятся необъятные силы настоящей русской женщины».

Игумен Серафим (Кузнецов), знавший царскую семью, приводит в своих воспоминаниях один интересный случай: «Во время царского юбилейного путешествия в 1913 году в одном из посещаемых государем монастырей Владимирской епархии Мария Николаевна заметила больную старицу схимонахиню, сидящую в кресле далеко в стороне; во время молебна она, видимо, попросила отца подойти к этой

«Великая княжна Мария Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела поговорить с каждым, в особенности с простым человеком».

Генерал М. К. Дитерихс, принимавший участие в расследовании дела о расстреле Романовых.

страдалице и утешить ее. Кончился молебен. Государь пошел из храма, но неожиданно для всех сворачивает с дороги в сторону и подходит к больной схимонахине, которая от нечаянной радости заплакала. Государь поговорил с больной, ободрил и просил от нее благословения и молитв... По примеру отца поступили и дети. Старица от духовного восторга умильно плакала слезами радости; виновница сего Мария Николаевна торжествовала, что имела возможность порадовать больную страдалицу скорбей беспросветных. Так эта юная царевна с жизнерадостным лицом и любвеобильным сердцем всюду вносила радость, мир и утешение, являясь для всех ангелом утешения».

Мария любила церковные службы. В первую очередь, в Феодоровском соборе в Царском Селе, куда часто ходила вся семья. В ссылке она продолжает о нем думать: «Вспоминаем с грустью наш Феодоровский собор... как мы все говели в нижнем пещерном храме. Там всегда бывало какое-то чудное настроение». Оказавшись в Тобольске, Мария пожелала

побывать в местном соборе и приложиться к мощам Иоанна Тобольского.

Когда Марии было 17 лет, в нее влюбился один из балканских принцев. Но брак не состоялся: правда, в отличие от Ольги, которая сама не пожелала оставить Россию, замуж Марию не пустила государыня, сказав, что ее дочь «еще не переросла своей детской».

Когда больному Алексею Николаевичу куда-нибудь было нужно, он звал: «Машка, неси меня». И она легко поднимала его на руки и несла, потому что была очень сильной — в шутку могла поднять даже своего учителя английского языка. Может быть, именно эта сила и придавала княжне особое мужество. «Никогда не забуду ночь, — писала Анна Вырубцова, — когда немногие верные полки (Сводный, конвой Его Величества, Гвардейский экипаж и артиллерия) окружили дворец, так как бунтующие солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко дворцу. Императрица вечером сидела у моей постели. Тихонько, завернувшись в белый платок, она вышла с Марией Николаевной к полкам, которые уже готовились покинуть дворец. И может быть, и они ушли бы в эту ночь, если бы не государыня и ее храбрая дочь, которые со спокойствием до двенадцати часов обходили солдат, ободряя их словами и лаской, забывая при этом смертельную опасность, которой подвергались».

Даже во время ареста Мария Николаевна сумела расположить к себе всех окружающих, не исключая и комиссара Временного правительства при Отряде особого назначения Панкратова, охранявшего Николая II и его семью в Тобольске, и даже большевика Яковлева, организовавшего перевозку царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Клавдия Битнер, учительница царских детей в Тобольске, вспоминала о Марии: «Она любила и умела поговорить с каждым, в особенности — с простым народом, солдатами... Ее очень любил, прямо обожал комиссар В. С. Панкратов. К ней, вероятно, хорошо относился и Яковлев... Девочки потом смеялись, получив от нее письмо из Екатеринбурга, в котором она, вероятно, писала им что-нибудь про Яковлева: “Маше везет на комиссаров”. Она была душою семьи».

Известно, что красноармейцы, охранявшие узников в доме инженера Ипатьева, чаще всего были грубы и резки с императором и его близкими. Однако Марии и здесь удалось расположить охрану к себе: охранники-рабочие учили ее готовить лепешки из муки без дрожжей, а один из красноармейцев даже попытался тайно пронести в дом Ипатьева именинный пирог для Марии.

По воспоминаниям организаторов расстрела, Мария была жива после первого залпа. Она кинулась к запертой двери и безуспешно пыталась открыть ее. Увидев это, революционер Ермаков застрелил княжну.

Великая княжна Анастасия

Девушка-солнце

Однажды в раннем детстве Анастасия залезла под стол на званом приеме в Кронштадте и стала щипать всех присутствующих гостей за ноги. За что, конечно, получила строгий выговор отца, хотя выговоры ее никогда не останавливали. В этом вся она: «маленькая», «кубышка», как звали ее дома за невысокий рост и полную фигуру, и «швыбзик» — за жизнерадостный характер и любовь к шуткам и шалостям.

Многие, в том числе и родственники, считали, что из последней дочери императора получилась бы отличная комедийная актриса: она любила пародировать и передразнивать окружающих, и близкие отмечали в ней большой талант. Учитель французского языка Пьер Жильяр писал об Анастасии: «Она была баловница — недостаток, от которого она исправилась с годами. Очень ленивая, как это бывает иногда с очень способными детьми, она обладала прекрасным произношением французского языка и разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом. Она была так весела и так умела разогнать морщины у всякого, кто был не в духе, что некоторые из окружающих стали, вспоминая прозвище, данное ее матери при английском дворе, звать ее «Солнечный луч»».

Младшая царская дочь обожала играть во всевозможные игры и могла целыми днями бегать по дворцу, играя в прятки. В ней было что-то мальчишеское, именно поэтому с ней так любил играть брат Алексей.

Конечно, Анастасия не только шалила, но и, к примеру, много читала: среди ее любимых авторов были Мольер, Шарлотта Бронте

и Чарльз Диккенс. А еще она замечательно играла на рояле и часто исполняла в четыре руки с матерью пьесы Грига и Шопена.

В годы Первой мировой войны женщины из царской семьи шили для солдат рубашки, вязали носки и рукавицы. Анастасия, которой в то время не было и тринадцати лет, тоже принимала в этом участие. Вместе с сестрой Марией они навещали раненых солдат в госпитале, старались отвлечь их от тяжелых мыслей и боли, давали концерты, беседовали с ними, писали по их просьбам письма родным, читали вслух. Анастасия писала: «Сегодня я сидела рядом с нашим солдатом и учила его читать, ему это очень нравится. Он стал учиться читать и писать здесь, в госпитале. Двое несчастных умерли, а еще вчера мы сидели рядом с ними».

В ссылке «бесшабашный и неистовый темперамент Анастасии оказался бесценным для остальных членов семьи», ведь она «могла развеять мрачность любого». В действительности же ее веселое и шаловливое поведение свидетельствовало, как писал сын лейб-медика Евгения Боткина Глеб, о ее «героических усилиях» поддержать семью и помочь всем «оставаться веселыми и в хорошем настроении».

Она писала сестре Марии, когда ту с родителями уже перевезли в Екатеринбург, а Ольга, Татьяна, Анастасия и Алексей еще оставались в Тобольске: «Мы по очереди завтракаем с Алексеем и заставляем его есть, хотя бывают дни, когда он ест и сам, без всяких уговоров. Наши мысли все время о вас, дорогие мои. Ужасно грустно и пусто. Я просто не знаю, что на меня находит. Конечно, у нас есть крестильные крестики, и мы получили ваши новости. Итак, Бог

«Она была так весела и так умела разогнать морщины у всякого, кто был не в духе, что некоторые из окружающих стали, вспоминая прозвище, данное ее матери при английском дворе, звать ее «Солнечный луч»»

Пьер Жильяр, учитель французского языка

помогает и поможет нам. Мы замечательно украсили иконостас на Пасху, весь в еловых ветках, как тут принято, и в цветах тоже. Мы сфотографировались, я надеюсь, что фотографии получатся... Мы качались на качелях, и как я смеялась, когда упала, такое приземление, честно!.. У меня целый вагон новостей, которые хочется рассказать вам... У нас была такая погода! Просто хочется закричать, такая хорошая. Как ни странно, я загорела больше остальных, настоящий аррраб!.. Мы прямо сейчас сидим все вместе, как всегда, но нам не хватает вашего присутствия в комнате... Мне жаль, что письмо ➤

◀ Татьяна Романова в Тобольске. 1917

▲ Алексей Трупп с великой княжной Татьяной

▼ Цесаревич Алексей во время военного парада. Царское Село, 1910-е

такое сумбурное, но вы знаете, как порхают мои мысли, и я не могу все это записать, поэтому набрасываю на бумагу все, что приходит в голову. Мне так сильно хочется увидеть вас, ужасно грустно. Я выхожу и гуляю, а потом возвращаюсь. Скучно и дома, и на улице. Я качалась, выглянуло солнце, но было холодно, и моя рука едва пишет».

«Анастасия Николаевна своей искренностью утешала своих родителей, которым мало приходилось видеть эти благородные качества в окружающих людях», — вспоминает игумен Серафим (Кузнецов). Она нежно любила свою мать и всегда искала случай помочь императрице, бегом выполняя ее поручения, когда из-за болезни Александра Федоровна не могла ходить. «Анастасия — это мои ноги», — говорила о младшей дочери государыня.

«Сегодня я сидела рядом с нашим солдатом и учила его читать, ему это очень нравится. Он стал учиться читать и писать здесь, в госпитале. Двое несчастных умерли, а еще вчера мы сидели рядом с ними»

Анастасия в годы Первой мировой войны

В Тобольске узников охраняли стрелки бывших гвардейских полков, а в Екатеринбурге — красногвардейцы, набранные из бывших заводских рабочих, многие из которых прошли через каторгу и тюрьмы. Они относились к царской семье гораздо жестче. Один из охранников однажды выстрелил в Анастасию, когда та подошла к окну подышать свежим воздухом, но по счастливой случайности пуля пролетела мимо. Охранник заявил, что девушка якобы пыталась подавать какие-то знаки.

Есть свидетельства, что, даже когда царская семья со своими спутниками спустилась в роковой подвал и застыла в ожидании, Анастасия, чтобы приободрить всех, воскликнула: «Жаль, что нет фотографа — он мог бы нас всех вместе снять!» Она захватила с собой в подвал Джимми — собачку породы пекинес, с которой никогда не расставалась, повсюду нося ее на руках, так как та из-за своих коротких лапок не могла преодолеть лестницы.

Есть свидетельства, что эта собачка лаяла и защищала царскую семью в подвале Ипатьевского дома до тех пор, пока ее саму не пристрелили. После первого залпа великая княжна Анастасия уцелела. Позже свидетели показали, что из всех царских дочерей она дольше всех боролась со смертью.

Цесаревич Алексей

Любимый наследник

З а год до рождения цесаревича Алексея, во время торжеств по случаю прославления святого Серафима Саровского в Дивееве Николай и Александра особо молились о даровании им сына. И вскоре «результат долгих часов, проведенных в молитве», «символ Божьего благословения» появился на свет. Это событие многие считают «апофеозом семейного счастья» Романовых. Но ликовала не только семья императора — ликовала вся страна, ведь родился долгожданный наследник престола.

Однако радость родителей вскоре сменилась глубокой печалью: выяснилось, что Алексей унаследовал серьезное и неизлечимое заболевание — гемофилию (нарушение свертываемости крови). Оно передается по женской линии, но страдают им чаще всего мужчины. В роду Александры Федоровны гемофилией болел ее дядя принц Леопольд, от нее умер ее маленький брат, тем же недугом страдали все сыновья ее сестры, принцессы Прусской.

За свою недолгую жизнь цесаревич Алексей не раз оказывался на грани смерти. Он рос живым и подвижным ребенком, часто шалил со своей сестрой

Анастасией, и ему нужен был постоянный присмотр, ведь любой ушиб оборачивался внутренним кровотечением, большими опухолями и сильными болями. Во время торжеств, посвященных 300-летию дома Романовых, наследника лишь пронесли на руках по парадным залам. В свою ком-

нату он возвращался в состоянии полного изнеможения — даже краткие появления на церемониях серьезно вредили здоровью цесаревича. Но родители считали его присутствие на торжествах необходимым.

«Алексей Николаевич был центром этой тесно сплоченной семьи, — свидетельствовали приближенные, — на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. Сестры его обожали, и он был радостью своих родителей. Когда он был здоров, весь дворец казался как бы преображенным; это был луч солнца, освещавший и вещи, и окружающих».

Алексей надеялся, что поправится: ведь он должен стать настоящим царем в своей любимой стране, а потому должен быть здоровым и мужественным. Часто у него, по воспоминаниям С. Офросимовой, вырывалось

«Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы».

восклицание: «Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы».

Цесаревич во всем старался подражать отцу. Он очень гордился тем, что его отец был Верховным главнокомандующим. Император брал Алексея с собой в Ставку, чтобы показать солдатам. Престолонаследник всегда был одет в простую солдатскую форму — и это солдатам очень нравилось. Николай II подходил к ним, расспрашивал о подробностях боев, а Алексей, по протоколу обязанный держаться позади царя, ловил каждое слово этих людей, побывавших на волосок от смерти. За посещение госпиталей вблизи линии фронта Алексеем Николаевичу даже присвоили звание фельдфебеля и наградили Георгиевским крестом.

Глядя на комнаты цесаревича, мало кто догадался бы, что здесь живет и воспитывается будущий русский царь — настолько простой была их обстановка. А любимой едой Алексея, как он сам говорил, были «щи, каша и черный хлеб, который едят все мои солдаты». Для него было счастьем играть с сыновьями своих матросов и быть среди простых солдат.

Флигель-адъютант Николая II А. А. Мордвинов писал, что у Алексея «было то, что мы, русские, привыкли называть “золотым сердцем”. Он легко привязывался к людям, любил их, старался всеми силами помочь, в особенности тем, кто ему казался несправедливо обижен. Он, без всякого сомнения, обещал обладать в будущем твердым, независимым характером. Так же, как и его отец и сестры, он чрезвычайно любил природу своей родины и все русское. Алексей Николаевич обещал быть не только хорошим, но и выдающимся русским монархом».

Религиозную часть воспитания и обучения Алексея взяла на себя императрица. Она познакомила его с жизнью и учением Христа,

она приучила Алексея молиться, и без молитвы мальчик не засыпал и не начинал нового дня. «Закон Божий должен быть в сердце ребенка», — говорила государыня. Весной 1915 года она писала мужу во время болезни Алексея, что больше всего тот беспокоится, сможет ли быть на службе в Великий Четверг.

«В душе этого ребенка не заложено ни одной порочной черты; душа его — самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеешь их посадить и взрастить, то русская земля получит не только прекрасного и умного государя, но и прекрасного человека», — так говорил о сыне последнего российского императора один из самых близких к нему учителей.

Клавдия Битнер, приходившая заниматься с цесаревичем в Tobольске, вспоминала: «Это был милый, хороший мальчик. Он был умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый и жизнерадостный, несмотря на свое часто тяжелое, болезненное состояние. Он был способным от природы, но был немножко с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: “Погодите, я выучу”. И если действительно выучивал, то это уже у него оставалось и сидело крепко. <...> Он был терпелив, очень аккуратен, дисциплинирован и требователен к себе и другим. Он был добр, как и отец, в смысле присутствия у него в сердце невозможности причинить напрасно зло. Он был бережлив. Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которого он не стал есть потому, что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребенку отдельного кушанья, когда он болен?! Я что-то такое сказала. Он мне ответил: “Ну, вот еще. Из-за меня одного не надо тратить».

Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которого он не стал есть потому, что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребенку отдельного кушанья, когда он болен?! Я что-то такое сказала. Он мне ответил: «Ну вот еще. Из-за меня одного не надо тратить».

К. М. Битнер, учитель царских детей в Tobольске

Я не знаю, думал ли он о власти. У меня был с ним разговор об этом. Я ему сказала: “А если вы будете царствовать?”. Он мне ответил: “Нет, это кончено навсегда”. Я ему

сказала: “Ну, а если опять будет, если вы будете царствовать?”. Он ответил мне: “Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом”. Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мной. Он мне сказал, что он построил бы большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам приезжал бы и “допрашивал” обо всем — все ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок».

Однажды зимой в Tobольске Николай и другие взрослые соорудили для детей снежную горку. Алеша проводил возле нее целые дни — рыл туннели, использовал горку как крепость, ежедневно сам поливал ее водой — это стало его любимым и единственным развлечением.

В своем дневнике царевич записывал, кто из солдат стоял у них в карауле. Из этих записок видно, что в феврале 1918 года большинство «хороших солдат» сменились другими, «плохими». Эти солдаты и отняли у Алеши

Камердинер Алексей Трупп

Друг детей

Он всю жизнь был холостяком и потому все душевное тепло отдал царским детям. И когда стало известно о высылке семьи императора в Tobольск, он не раздумывая последовал за ней в добровольное изгнание.

Алексей Егорович Трупп (на самом деле его звали Алоиз Лаурис Труппус) сделал голо-

последнюю радость: однажды ночью они разрушили снежную горку. Огорчение мальчика из-за этого бессмысленного поступка было безгранично. Для чего нужно было это делать? Отвечали, что «из соображений безопасности». Якобы Николай II «поднимается на горку, чтобы провожать уходящих охранников и смотреть им вслед».

После того как солдаты испортили горку, Алексей стал кататься по лестнице в деревянной лодке на полозьях и вскоре получил ушиб, вызвавший сильное внутреннее кровоизлияние. У мальчика отнялись обе ноги. В Tobольске не было никаких средств для лечения, и он сильно исхудал, как писал один из его учителей. Со временем его состояние несколько улучшилось, но до самой мучительной кончины он так и не выздоровел.

В ночь расстрела, когда всех отвели в подвал, Николай держал сына на руках. Александра Федоровна попросила стул. Принесли два стула, на один из них посадили больного Алешу. Однако сидеть ровно он не мог, и отцу пришлось поддерживать его. Когда семье был объявлен приговор, Юровский выстрелил сначала в царя, а затем сразу — в наследника. Через месяц Алексею должно было исполниться 14 лет.

«Труппу было лет шестьдесят, высокий, среднего телосложения. Волос на голове у него почти не было, усы и бороду брил. Цвет лица у него был розовый, нос прямой, глаза, кажется, серые. Носил он серые брюки и серую тужурку, прежнюю форму, только без прежних пуговиц, черное пальто и черную фуражку».

Характеристика на Труппа в материалах следственного производства

вокругительную карьеру. Простой латышский крестьянин стал одним из тех, кому Романовы доверяли больше всего.

Католик по вероисповеданию, начальное образование он получил в церковноприходской школе в Витебской губернии. Затем он отправился в армию вместо своего брата — и там статного высокого юношу зачислили в лейб-гвардии Семеновский полк, один из самых престижных армейских полков.

Еще в правление императора Александра III Труппа заметила императрица Мария Федоровна и взяла его на должность лакея первого разряда. Так что Алексей Егорович застал и начало правления последнего императора, и рождение всех его детей.

Так как Трупп состоял в придворном штате, ему не часто удавалось навещать родные места. Однако он следил за жизнью род-

ного края и не забывал своих родных и земляков, периодически помогая им материально. Он жертвовал деньги на местный костел, помог родственникам, когда наводнение уничтожило их урожай. А когда навестить любимые места все же удавалось, он, по воспоминаниям современников, непременно угощал конфетами всю местную малышню.

Трупп не раздумывая отправился вслед за царской семьей в Тобольск, а потом сопровождал цесаревича Алексея и великих княжон Ольгу, Татьяну и Анастасию из Тобольска в Екатеринбург. А там заменил в доме Ипатьева камердинера Чемодурова, заболевшего и отправленного в тюремную больницу.

Повар Иван Харитонов

Оставшийся верным

Отец шестерых детей и любящий супруг, когда он уезжал из Тобольска в Екатеринбург и кто-то посоветовал ему оставить свои золотые часы семье, царский повар ответил, что при любых обстоятельствах надо вести себя так, как если бы все было к лучшему, а оставленные часы огорчат родных. «Вернусь — с часами, а не вернусь — зачем пугать их раньше времени?»

Отец Ивана, титулярный советник, определил 12-летнего сына на службу при дворе на должность поваренного ученика. Через несколько лет он стал поваром 2-го разряда, прошел службу на флоте, а потом для совершенствования мастерства был отправлен на стажировку в Париж, где обучался в одной из престижных кулинарных школ по специальности «суповник». И в 1901 году Иван Харитонов стал поваром 1-го разряда.

«Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа», — писал Николай II.

Несмотря на то, что Трупп был католиком, во время православных церковных служб в Доме особого назначения он не просто присутствовал на богослужениях, но и прислуживал — был пономарем, выносил свечу, разжигал и подносил кадило.

Однако получилось не на время, а навсегда.

Несмотря на то, что Трупп был католиком, во время православных богослужений в «доме особого назначения» он не просто на них присутствовал, но и помогал — был пономарем, выносил свечу, разжигал и подносил кадило.

Перед расстрелом Трупп и повар Харитонов отошли в угол комнаты и встали у стенки. «Женский визг и стоны... у стены оседает лакей», — расскажет потом один из убийц.

«Уха из ершей, расстегаи, форелька гатчинская итальвень, пельмени и вареники, жаркое утка, салат, мороженое ваниль»; «суп потрох, пирожки, котлеты бараньи и пожарские с гарниром, кисель малиновый»; «солянка рыбная, расстегаи, ветчина холодная, жаркое цыплята, салат, желе мандариновое», — вот примеры меню будничных обедов императорской семьи. Профессия придворного повара была очень почетной и непростой: необходимо было знать кулинарные традиции разных стран, ведь нередко за столом присутствовали иностранные гости; нужно было разбираться и в православной постной кухне и владеть различными техниками сервировки стола. Харитонов сам придумывал новые необычные рецепты, например, суп-пюре из свежих огурцов.

Харитонов сопровождал государя в Ставку и на фронт, был с ним практически во всех зарубежных поездках, видел Италию, Германию, Великобританию... И отовсюду слал своим близким открытки с видами, а потом обязательно приезжал с подарками для детей: однажды к восторгу сыновей привез им из Германии исторический трофей — германский шишак (шлем с острием).

Иван Михайлович был счастливым мужем и отцом, но в ссылку за императором отправился без раздумий. В Тобольске круг его обязанностей стал гораздо шире — из «суповника» он превратился в повара-универсала. А так как продуктов не хватало, ему нередко приходилось ходить по богатым домам, прося взаймы для царской семьи. Но расплачиваться было нечем, и ему часто отказывали. Либо требовали записывать

любую мелочь, поэтому в хозяйственной книге Харитонova появлялись записи: от купца такого-то получено столько-то ведер молока, от мастерового такого-то — столько-то гвоздей и так далее. А вот простой народ и монахи и близлежащих монастырей сами несли все, что могли: сметану, яйца, молоко... «Щи кислые, жареный поросенок с рисом»; «борщ, макароны, картофель, котлеты рисовые, хлеб», — такие обеды устраивал Иван Михайлович императору в те дни.

Когда в мае 1918 года Харитонов вместе с цесаревичем и княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасией уезжал из Тобольска в Екатеринбург, ему разрешили проститься с семьей. Его жена Евгения Харитонova вспоминала: пристань, где стоял готовый к отправке пароход «Русь», была почти

«Был при них (Царской Семье) повар. Ему было лет сорок, он был низенький, худощавый, несколько плешистый. Волосы на голове были черного цвета, усы маленькие, черные, бороду брил. Носил он черный пиджак и брюки, заправленные в сапоги».

О Харитонове — в материале следственного производства

пустой. Цесаревич Алексей глядел из окна каюты и беспрестанно махал рукой. А на берегу стояла дочь доктора Боткина Татьяна, а неподалеку — она со своей десятилетней дочкой Катей, которая тоже махала

▲ Один из последних групповых снимков: Николай II с детьми — Алексеем, Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией. Тобольск, 1917

рукой наследнику. На этой пристани Иван Михайлович в последний раз видел жену и дочь.

Когда он прибыл в «дом особого назначения», то первым делом отремонтировал там сломанную плиту. 18 (4) июня Николай II сделал в дневнике запись: «Харитонов готовит нам еду... Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут хлеб. Недурно!»

Энтузиазм повара так увлек великих княжон, что те с самого первого дня взялись помогать ему не только в выпечке хлеба, но и в других делах.

А он изо всех сил старался угодить узникам. Комендант Ипатьевского дома Юровский вспоминал: «Ко мне обращался повар Харитонов с заявлением, что он никак из четверти фунта мяса не может готовить блюд. Я ему отвечал, что нужно привыкать жить не по-царски, а как приходится жить: по-арестантски».

Но даже когда с провизией возникали проблемы, Иван Михайлович стремился и из простейших продуктов готовить что-то особенное. Известен случай, как он привел узников в восторг своим макаронным пирогом и компотом из сухофруктов. Серьезно помогали царской семье монахи, приносившие продукты из местного монастыря. Правда, вскоре охрана запретила передавать все, кроме молока.

...Когда в страшную ночь с 16 на 17 июля раздались выстрелы, Иван Михайлович повалился на колени. При расследовании в «доме особого назначения» не нашли его золотых часов — вероятно, он уже давно их продал, или сменял на продукты для своего императора. ♣.

Подготовили Дарья Барина и Анастасия Занегина

